

JĘZYKOZNAWSTWO

Borys Norman

Białoruski Uniwersytet Państwowy (Mińsk)

Uralski Uniwersytet Federalny (Jekaterynburg)

**ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ
В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ:
ФОКУС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАММАТИКИ
И ЛЕКСИКИ***

**Instrumental Case in Russian and Other Slavic Languages:
Grammar and Lexicon Interaction Focus**

ABSTRACT: The article describes semantic roles of instrumental case (*tvoritel'nyj padezh*) in Russian and other Slavic languages. Its functions as the instrument, agent, route, temporary, vehicle, comparison, nominal predicate and object of action, and their place in human mental world are considered. Examples of izosemic (standard) and non-izosemic realization of these functions are provided. It is concluded that each semantic role is associated with the specific range of lexemes. The idea of interdependence or syncretism of meanings of the instrumental case is discussed. Examples from modern fiction, where the opposition between certain functions of instrumental case is neutralized, worn off, are provided too. It is hypothesized that in certain discourse circumstances the instrumental case becomes the symbol of common dependency of noun from verb.

KEYWORDS: instrumental case, semantic role (function), lexical base, syncretism, discourse dependency

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

Творительный падеж, или инструменталь, в славянских языках (в тех, где падежная система сохранилась) – один из самых многозначных. В русской научной литературе о нем прямо пишут: падеж «с максимальной семантической нагрузкой»¹; а на примерах это было замечательно продемонстрировано еще Р. Якобсоном². Граматики и учебные пособия насчитывают у инструментала до десяти значений, а А. Вежибicka в специальной статье выделяет их аж 17³. Эти значения в целом – наследие праславянской системы. Но интересно, что каждый славянский язык выбирает из праславянского «набора» свой комплект семантико-синтаксических функций, а иногда еще и развивает какие-то новые.

Для нас важно показать, что каждое падежное значение реализуется на базе своего круга лексем. Этот круг может быть более широким или более узким, но представление о нем присутствует в сознании носителя языка. Если следовать функциональному подходу «от значения – к форме», то внутренняя взаимосвязь, «взаимопроникновение» лексической и грамматической семантики объясняет, почему в распоряжении у каждой семантической функции имеется некоторое множество формальных средств: потому что в каждом случае эта функция лексически «связана», ограничена определенным кругом слов.

Перейдем к основной теме данной статьи.

Основное, самое частое и самое распространенное в славянском ареале значение беспредложного творительного падежа – значение **инструмента** (орудия). Оно известно многим современным языкам, и нередко название падежа отражает его основную функцию: в украинском – орудний відмінок, в словенском – orodnik, в польском – narzędnik и т.п. А примерами могут служить русские сочетания типа *рисовать красками, раздавить каблуком, разбавить водой*. Легче всего это значение реализуется у слов с предметным значением, особенно у таких, в лексической семантике которых в качестве центральной, «прототипической» семы заложена функция Instr: *нож, топор, насос, карандаш, дырокол* и т.п.).

Вообще же семантика «орудийности» в русскоязычном сознании прочно связывается именно с беспредложным творительным падежом имени; во всяком случае, в текстах научно-технической документации примерно в 70% случаев она выражается именно таким образом; остальные 30% распределяются между различными косвенными падежами с предлогами *с помощью, посред-*

¹ Л.В. Кнорина, *Оценка семантической нагрузки падежа*, [в:] *Проблемы структурной лингвистики 1979*, Москва 1981, с. 129.

² Р. Якобсон [1958], *Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм)*, [в:] Якобсон Р. *Избранные работы*, Москва 1985, с. 178–179.

³ А. Вежибicka, *Дело о поверхностном падеже*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XV, Москва 1985, с. 333–337.

ством, благодаря, через и др.⁴. Само сочетание «творительный инструмента» – устойчивый грамматический термин. Что же касается предложно-падежных конструкций с аналогичной семантикой (*с помощью, при помощи*), то, как показали немецкие исследователи Г. Хентшель и Т. Менцель, между ними и творительным падежом в ряде случаев устанавливаются отношения дополнительной дистрибуции: инструменталь не маркирован по отношению к «моменту преднамеренности» и к «очевидной орудийности»⁵.

Описание системы семантико-синтаксических функций («ролей») всегда опирается в проблему оптимизации порога обобщения. Насколько эти функции должны быть крупными, обобщенными или же, наоборот, детальными, дробными? Эта проблематика была особенно важна для работ 50–70 годов прошлого века, посвященных функциям творительного падежа в славянских языках (среди авторов этих исследований – А. Хайнц, М. Ивич, Д. Ворт, Д. Станишева, Р. Мразек, О. Уличны, З. Тополинська и др.). Уже само понятие инструмента оказывалось неоднозначным: в нем предлагалось выделять по меньшей мере орудие и средство. В частности, Д.С. Станишева предлагала в рамках творительного инструментального различать творительный орудия, творительный средства и «творительный вспомогательного материала или содержания»⁶. Три типа аргументов в сфере средства действия различал и М. Гроховски: у него это были инструмент, субстанция и материал⁷.

В современных работах настойчиво предлагается разграничивать инструмент и средство на том основании, что инструмент как вспомогательный объект «не расходуется в ходе выполнения действия» (молоток, иголка, зубная щетка, пистолет...), а средство – расходуется (гвозди, нитки, зубная паста, пули...). Такая точка зрения представлена, например, в коллективной монографии под редакцией Ю.Д. Апресяна⁸; у А. Мустайоки это различие между предметным и вещественным инструментом⁹. Противопоставление выглядит логичным, и ему можно найти языковые подтверждения, в том числе в виде

⁴ Л.В. Варпахович, *Категория инструменталь и ее реализация в тексте*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Минск 1986, с. 16.

⁵ G. Hentschel, T. Menzel, *Zum Ausdruck der Instrumentalität im Russischen: Instrumental des Instruments oder präpositionale Fügung*, [в:] *Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität*. Nr. 6 (Specimina Philologiae Slavicae, Bd. 129). München 2000, S. 93–95.

⁶ Д.С. Станишева, *Творительный инструментальный*, [в:] *Творительный падеж в славянских языках*. Москва 1958, с. 77 и др.

⁷ M. Grochowski, *Środek czynności w strukturze zdania: narzędzie, substancja, materiał*, Wrocław... 1975.

⁸ *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*, Москва 2010, с. 372–376.

⁹ А. Мустайоки, *Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам*. Москва 2006, с. 170.

возможных трансформаций; и все же его трудно считать строгим. Скажем, сверло интуитивно воспринимается как инструмент. Но ведь оно тратится (тупится, стачивается)... И зубная щетка со временем «тратится», тогда мы ее заменяем на другую. Чернила расходуются при письме, это средство. Но и карандаш расходует, значит, это – не инструмент, а средство письма?

Если инструмент и средство подразумевают друг друга (как пистолет и пуля или лопата и песок), то отношения между ними достаточно прозрачны. Если же «вспомогательный объект» един и самодостаточен, то его роль конкретизировать трудно. Учебник, согласно номенклатуре актантов Ю.Д. Апресяна, это инструмент (*обучать по стандартным учебникам*). Но критерий «тратится» или «не тратится» к нему плохо применим.

В сущности, проблема заключается в том, что наша повседневная познавательная практика достаточно поверхностна и случайна в своих категоризационных устремлениях, а потому апеллировать к ней ненадежно. Можно было бы сказать: карандаш – инструмент, а вот грифель – средство. Но массовое бытовое сознание не вычлениет грифель из окружающей действительности...

Кроме того, если «вспомогательный объект, необходимый для данного действия», не имеет предметного характера, то он, очевидно, автоматически переходит из категории Инструмента в категорию Каузатора или Причины. Речь идет о случаях типа *решить задачу своими силами, добиться успеха дополнительными занятиями, сбить с ног одним ударом* и т.п. Один литературный пример.

(1) ...Мы пили широко и шумно, ...**рукою Корсаковой** рисовали жестко формалистические рисунки, **талантом Рихтера** ставили костюмированное представление «Марсельский кабачок», **воодушевлением Драгунского** создавали «Синюю птичку», **гортанью Кочеткова** выплакивали «Балладу о прокуренном вагоне»... (Ю. Нагибин. *О Галиче*).

Приведем для сопоставления польский пример употребления существительного в творительном падеже с непредметным значением:

(2) Nie zwracałeś Bronce głowy **metafizyką i sztuką**? (S. Przybyszewski. *Śnieg*).

Речь идет не только о процессах синтаксических преобразований (в частности, о повышении ранга слова – о явлении райзинга (англ. rising)), но и о том, что категоризация явлений объективной действительности, опирающаяся на нашу повседневную практику, допускает достаточно «мягкие» объединения слов. По-видимому, массовое языковое сознание настроено скорее на обобщенно-размытые классы, чем на узко дифференцированные. Наблюдения над

употреблением форм творительного падежа в славянских языках, как мы увидим, подтверждают эту гипотезу.

Еще один аспект, который необходимо учитывать в нашем случае, это различие между «общенародным» и терминологическим значением слова *инструмент*. Мы провели среди студентов-филологов небольшой эксперимент. От каждого из них требовалось написать 10 названий инструментов. Для этого, естественно, испытуемым нужно было определить в своем сознании, что такое инструмент. Конечно, задание и методика этого опроса были примитивными, условными, но результат оказался любопытным: названий инструментов было перечислено в общей сложности более двух десятков, но все это были слова с «предметным» значением: *топор, пила, молоток, рубанок, отвертка, паяльник, дрель, плоскогубцы...* Еще интереснее то, что это все инструменты для «мужской» работы (в то время как сами испытуемые были сплошь женского пола). Правомерно спросить: а где, допустим, поварешка и скалка, спицы и иголки, ножницы и утюг? Видимо, для массового языкового сознания это **не** инструменты! Придется признать, что в лексическом значении слова *инструмент* присутствует периферийная сема «мужское» (а также, возможно, «металлическое», «тяжелое» и т.п.).

Сформулируем некоторый промежуточный вывод: на процессы категоризации и концептуализации влияет наша обыденная практика и догмы массового языкового сознания.

Но и «внутри» терминологического значения слова *инструмент* следует различать семантическую роль как часть лексического значения и семантическую роль как синтаксическую функцию: они далеко не всегда совпадают друг с другом.

Перейдем к следующей семантической роли и, соответственно, синтаксической функции, свойственной формам инструментала. В пассивных конструкциях творительный падеж сигнализирует **агенса**, производителя действия, и естественно, что в такой роли обычно выступают названия человека (*дом строится рабочими; багаж оплачен пассажиром; данные представлены мной*). Нередко одушевленность существительного включается вообще в понятие агенса в качестве конституирующего признака. Такое условие выдвигал уже Ч. Филлмор в своей работе о глубинных падежах¹⁰.

Пассивные обороты с творительным падежом употребляются также в белорусском и украинском, чешском и словацком языках. В то же время в ряде других славянских языков для выражения функции агенса используются иные конструкции: с предлогом *przez* в польском, с предлогом *od* – в словенском

¹⁰ Ч. Филлмор [1968], *Дело о падеже*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск X, Москва 1981, с. 405.

и т.д. Если рассматривать данную ситуацию в диахроническом плане, то, по-видимому, мы имеем здесь дело прежде всего с внутриязыковым стремлением «разгрузить» многофункциональный творительный падеж и приписать функции агенса однозначный маркер. Согласимся с выводом: «Сужение сферы употребления творительного падежа находится в очевидной связи с распространением в славянских языках других способов выражения значения логического субъекта. Один из этих способов так же древен, как творительный падеж, и идет из праславянской эпохи (*om* + родительный), другие появились сравнительно недавно, в эпоху письменных памятников (винительный с предлогом *skrse*, винительный с предлогом *przez*)»¹¹.

Но к этому следует добавить, что, во-первых, конструкции трехчленного пассива встречаются сравнительно редко и в этом смысле могут считаться искусственными или, во всяком случае, дискурсивно ограниченными¹². По некоторым данным, доля двучленных (безагенсных) страдательных конструкций в речи достигает примерно 90% от общего числа оборотов¹³.

Во-вторых, «понижение» роли производителя действия до уровня второго актанта (выраженного формой творительного падежа) приводит к намеренному или неосознанному ослаблению активности обозначаемого действия, что можно показать на следующем примере, подтверждающем одновременно дискурсивную обусловленность пассивных конструкций.

- (3) Если бы вы только знали, сколько людей в Москве сегодня профессионально занимаются защитой прав человека! <...> Они стараются: ездят на все-все даже зарубежные конференции, форумы и остаются на фуршеты. И посещают потом московские редакции, говоря: «**Мною** был составлен доклад... **Мною** была подготовлена бумага... **Мною** было сказано...» Я все время уточняю: «Вы сказали?» «Ну да, – говорят, – **мною** было сказано» («Новая газета». 2001. № 12).

А в-третьих, как известно, наряду с прототипическим заполнением позиции агенса, встречается масса примеров, в которых творительный падеж обозначает не самого производителя действия, а какое-то его свойство или часть. Примеры: *Здание возводится силами будущих жильцов*; *Восстание разжигалось опытными руками*; *Фасон платья определяется требованиями заказ-*

¹¹ К.И. Ходова, *Творительный падеж в страдательных конструкциях и безличных предложениях*, [в:] *Творительный падеж в славянских языках*, Москва 1958, с. 149.

¹² Ср.: Н.Д. Андреев, *Квазилингвистика Хомского*, «Вопросы языкознания», 1976, № 5, с. 59–61.

¹³ См.: Б.Ю. Норман, *Переходность, залог, возвратность (на материале болгарского и других славянских языков)*, Минск 1972, с. 45.

чика и т.п. Это «размывает» суть семантико-синтаксической функции, нейтрализуя оппозиции Агенса и Инструмента, Агенса и Каузатора¹⁴.

Следующее значение инструментала – **маршрут**, или путь движения (транзитив, по Г.А. Золотовой). Этот семантический вариант реализуется у существительных, лексическое значение которых содержит в себе семы ‘пространство’, ‘поверхность’, ‘линия’ (*ехать лесом, идти берегом, бродить Москвой, пройти кухней, пробраться огородами* и т.п.). Представлен такой творительный падеж и в других славянских языках – белорусском: *ісці дарогаю, лесам, пушчай*, украинском: *іти вулицею, полем, блукати горами, піти батьківським шляхом*, польском: *iść lasem, wchodzić temi drzewiami, wyskoczyć oknem; płynąć morzem, rzeką*; чешском: *jít polem, lesem* (идти по полю, по лесу), *projít zahradou* (пройти через сад); *projít ohněm války* (пройти через огонь войны). В польском или чешском это значение инструментала используется чаще, чем в русском или белорусском. Но в целом эта функция сильно ограничена лексически – как в том, что касается самого существительного (это должно быть название некоторого прототипического «пространства» (не говорят по-русски «плыть озером», «пройти вокзалом», «выйти дверьми» и т.п.), так и со стороны управляющего слова (это прежде всего глагол со значением «идти» и его производные).

Значение **темпоратива** (отрезка или точки на временной оси) возникает у формы творительного падежа, когда она образуется от слова, уже несущего в себе «временное» значение: *поздней порой, оттепелью*, ср.:

(4) **Июнем** я повезла его в поезде, затем на электричке к подмосковному дачному поселку... (А. Ким. *Белка*).

Очень часто такие словоформы лексикализуются, превращаются в отдельные слова – наречия (*вечером, утром, зимой, летом, порой, часом, моментами, ночами*). Кроме того, лексикализуются могут и названия периодов жизни: *подростком, детьми, мальчишками* и т.п. Примерно так же обстоит дело и в других славянских языках, ср. белор. *разважаць целымі гадзінамі, марыць падлеткам*; укр. *не спати ночами, місяцями не бувати дома*; польск. *grasować wieczorami, wrócić rankiem, mieć tym razem* и т.п.¹⁵.

Семантика **транспортного средства** у творительного падежа также довольно сильно ограничена списком слов. Можно сказать *поехать поездом, добраться автобусом* или *летать Аэрофлотом*, но невозможно **поехать мотоциклом* или **добраться лошастью*. (Здесь действуют и ограничения, налагаемые управ-

¹⁴ Б.Ю. Норман, *Жизнь словоформы*, Москва 2016, с. 111.

¹⁵ См.: Т.С. Тихомирова, *Процесс адвербиализации творительного падежа (на материале польского языка)*, [в:] *Творительный падеж в славянских языках*, Москва 1958, с. 315–327.

ляющим глаголом¹⁶. В других славянских языках ситуация может быть иной. Скажем, в чешском эта функция инструменталю («седьмого падежа») весьма популярна, и круг существительных, в котором она реализуется, значительно шире, чем в русском. Можно сказать: *jet autobusem, metrem, taxíkem, autem, vlakem, tramvají, lodí*. Или в 1-м лице: *letím českými aerolinkami* ('лечу чешскими авиалиниями'), *dostanu se tam trajektem* ('я попаду туда на пароме'), *jedu výtahem* ('еду на лифте'). Однако и здесь есть ограничения: скажем, велосипед и лошадь транспортными средствами в данном плане «не считаются».

Относительно свободна в плане лексической реализации семантика **предмета сравнения**, которую в русском языке также способна передавать форма творительного падежа: *лететь стрелой, стоять солдатиком, проскользнуть невидимкой, смотреть волком*. Но в лексическом значении слова, с которым что-то сравнивается, желателен присутствие семы образца какого-то свойства: стрела – «быстрая», волк – «злой», солдатик – «вертикальный, стойкий» и т.п. Та же функция реализуется у инструменталю в белорусском языке: *стаяць слупом, віцца матылёчкам*, в украинском: *літати вороном, укривати землю килимом* и т.п. Но вот в чешском языке эта семантическая роль, как правило, выражается иными средствами – союзом *jako* «как»: *zpívát jako slavík, kouká jako sova z nudlí*.

Функция **именного предиката** (после глаголов со значением «быть», «стать», «вернуться», «служить», «являться», «работать» и т.п.) реализуется в творительном падеже прежде всего у существительных, обозначающих статус, должность или состояние лица (рус. *быть начальником, работать столяром, вернуться больным*).

Значение **объекта** действия появляется у инструменталю после определенных глаголов (которые тоже в каждом языке можно задать списком), ср. русск. *любоваться закатом, руководить факультетом, заниматься фотографией*; белор. *захапіцца работаю, частаваць мёдам, авалодаць мовай* и т.д. Тут творительный падеж обслуживает глагольное управление; это тот случай, когда, по Е. Куриловичу, «конкретный» падеж выполняет в качестве вторичной нагрузки явно «грамматическую» функцию¹⁷.

Языковое сознание обычного человека включает в себя представление о том, с какой лексической базой соотносится та или иная падежная функция. Доказательством этому служит эстетический (комический, людический) эффект, возникающий при столкновении разных значений одного падежа. Приведем в качестве примера анекдот из газеты:

¹⁶ См.: *Теоретические проблемы...*, с. 359–361.

¹⁷ J. Kuryłowicz, *Studia językoznawcze. Wybór prac opublikowanych w języku polskim*, Warszawa 1987, s. 183.

- (5) – А помните, Денис Леонидович, как мы с вами **детьми** дрались?
 – Да не может такого быть. Что ж мы с вами – изверги какие, **детьми** драться?

Первый говорящий употребляет словоформу *детьми* в темпоральном значении ('когда мы были детьми'). Его же собеседник делает вид, что не понимает такого употребления и приписывает словоформе наиболее типичное для инструменталю «орудийное» значение.

На том же основана шутка, которую приводит В.З. Санников: *Уехал поездом, вернулся ослом*¹⁸: здесь в одном ряду оказываются формы творительного падежа со значением транспортного средства и именного предиката.

Мы перечислили здесь только основные и наиболее часто встречающиеся функции беспредложного творительного падежа. За пределами нашего внимания остались употребления инструменталю с качественным значением (*отличаться трудолюбием, юный душой*), значением критерия сравнения (*брат выше ростом, жить ниже этажом*) и некоторые другие, не говоря уже о фразеологизованных контекстах (*выйти боком, умереть родами* и т.п.).

Каждый славянский язык развивает у творительного падежа и «свои собственные» значения, иногда весьма специфичные. Например, в чешском инструменталь довольно часто выступает в семантической роли причины: *třást se strachem* 'дрожать от страха', *skákat radostí* 'прыгать от радости', *plakat štěstím* 'плакать от счастья'; *kvílet bolestí* 'скулить от боли', *řvát vztekem* 'кричать от бешенства' и т.п.¹⁹.

В польском языке существует особая синтаксическая модель предложения Np – Ni, признаком которой является отсутствие глагольной связки между субъектом и именным предикатом в инструментале:

- (6) Alkohol twoim wrogiem «Алкоголь – это твой враг!»;
 (7) Ojczyzna najwyższą wartością «Родина – вот высшая ценность!»;
 (8) Puszcza Białowieńska parkiem narodowym «Превратим Беловежскую пушчу в национальный парк!»
 и т.п.

Такие высказывания, выступающие исключительно в виде заголовков, лозунгов, афоризмов, способны выражать разнообразную ирреальную модальность (дебитивную, волитивную, персвазивную, адмиративную) и актуализи-

¹⁸ В.З. Санников, *Язык – друг мой? Или враг мой?* «Русский язык». Методический журнал для учителей-словесников, 2015, № 12, с. 6.

¹⁹ J. Panevová, *Kolik významů má český instrumentál?* (Příspěvek k výkladu pádových významů), [в:] *Jazyk a jeho užívání*. Sborník k životnímu jubileu prof. Oldřicha Uličného, Praha 1996, s. 19.

руют информацию, содержащуюся в своей второй, рематической части²⁰. Это особая функция инструментала («narzędnika») в польском языке.

Есть у творительного падежа в славянских языках и другие частные значения. Но следующий – и главный – вывод уже напрашивается сам собой: то или иное значение падежа (объекта, инструмента, производителя действия, маршрута, отрезка времени и т.д.) должно согласовываться с лексическим значением существительного (и его привычной синтаксической функцией). Это свойство – внутреннее согласование лексического и грамматического значений – называется **изосемией**, или изосемичностью²¹.

Конечно, далеко не все употребления падежных форм изосемичны. Но любое неизосемическое употребление словоформы вызывает у адресата определенное напряжение или создает дополнительный эстетический эффект (к которому, возможно, и стремился автор текста). Приведем сначала несколько примеров неизосемической реализации функции инструмента: в данной позиции оказывается название лица.

(9) – Мне иногда **бабой** жать выгоднее, чем комбайном.

Бабой жать! Каково?!

- Как это – **бабой**? – удивился Воловенко. – Что, в МТС комбайнов мало?
- Да так – вручную. Ей, бабе то ись, запасной детали не требуется. Серп в зубы – и пошел (Ю. Щеглов. *Поездка в степь*).

(10) 1939 год. Наркомом иностранных дел стал Вячеслав Молотов. **Им** Сталин ковал дружбу с Германией (еженедельник «Свободные новости». 1997. № 5).

(11) Да что ж это с тобой мы делаем **друг другом**?

Ты моешь **мной** полы, стираешь **мной** белье,
Готовишь **мной** на стол, когда приходят гости,
А я **тобой** смотрю, как мент гнобит жулье,
Чиню **тобою** кран и забиваю гвозди

(М. Ордынская. *Уже который год...*).

(12) Постарею, побелею,

Как земля зимой...

Я **тобой** переболею,

Ненаглядный мой

(Р. Казакова. *Ненаглядный мой*).

²⁰ Б.Ю. Норман, *Об одной модели предложений в польском языке (Kraków stolicą piłki)*, [в:] Паланістыка. Полоністыка. Polonistyka 2000, Мінск 2001.

²¹ Г.А. Золотова, *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*, Москва 1988, с. 430.

Для сравнения приведем и один пример из польского языка:

- (13) – Narobiłam się jak koń za pługiem! – wrzasnęła z irytacją. – Szkoda, że nie mamy posiadłości wiejskiej, Tadeusz mógłby już spokojnie **mną** orać, nabrałam wprawu! (J. Chmielewska. *Boczne drogi*).

Во всех приведенных цитатах в качестве инструмента действия выступает человек, и такая окказиональная реализация данной функции, конечно, обращает на себя внимание читателя. Дополнительным подтверждением послужит нам диалог из пьесы известного российского драматурга С. Алешина *Все остается людям*:

- (14) А с я Д а в ы д о в н а. Румянцева не виновата. **Она была орудием.**
 (15) Д р о н о в. Бросьте, доктор. Уж кому-кому, но вам должно быть известно: человек – существо одушевленное. **Орудием может и не быть.**

Следующие примеры – на лексически нетрадиционную реализацию транзитива (маршрута). Обе цитаты – из поэзии Бориса Пастернака.

- (16) Раскатывался **балкой** гул,
 Как **баней** шваркнутая шайка...
 (Вариации)
 (17) Так после дождя проползают слизи
Глазами статуй в саду
 (Зеркало).

Говоря словами Е. Куриловича, «каждое употребление слов в синтаксической функции, отличной от их первичной функции, является употреблением мотивированным и, с формальной точки зрения, маркированным»²². Эта мотивированность может иметь различную природу (чаще всего она преследует эстетический эффект), но ни в коем случае не следует трактовать неизосемичность как род речевой ошибки; напротив, подобные факты только подтверждают языковые закономерности, экстраполируя их на новый речевой материал.

Вместе с тем, есть ситуации, когда многозначность творительного падежа или, можно сказать, его неопределеннозначность (термин белорусского исследователя В.В. Мартынова) приводит к коммуникативным затруднениям или недоразумениям. Так, в поезде «Аэроэкспресс», который перевозит пассажиров в Москве с Белорусского вокзала в Шереметьево и обратно, на спинках кресел была помещена следующая реклама (январь 2017 года):

²² J. Kuryłowicz, op. cit., s. 205.

(18) СОГРЕВАТЬСЯ ЗИМОЙ: Бангкок, Пхукет...

УВЛЕКАТЬСЯ ЗИМОЙ: Сочи, Минеральные воды...

НАСЛАЖДАТЬСЯ ЗИМОЙ: Турин, Мюнхен...

Можно ли считать, что перед нами – трижды употребленная, но одна и та же словоформа *зимой*? На наш взгляд, она получает разную интерпретацию в зависимости от значения стоящего перед ней глагола. *Согреться* в принципе не требует объектного распространителя в инструментале. Хотя, конечно, можно сказать: *согреться чаем, воспоминаниями, танцами*, но тут *зимой* – это явно «когда», обстоятельство времени. *Увлечься*, напротив, обычно требует зависимого слова в творительном падеже; при отсутствии другой такой формы (ср.: *увлечься зимой биатлоном*) словоформа *зимой* получает здесь объектное значение. Наконец, *наслаждаться* тоже требует зависимого объектного инструментала, и степень этой зависимости, по-видимому, несколько выше, чем у *увлечься*. Во всяком случае, данные Национального корпуса русского языка (режим доступа: www.ruscorpora.ru²³, дата вхождения: 05.03.2017) показывают следующую картину:

Таблица 1. Сочетаемость глаголов с творительным падежом

Глаголы	Всего	С твор. падежом	В %
<i>согреться</i>	456	145	31,80
<i>увлечься</i>	5946	3673	61,77
<i>наслаждаться</i>	6424	4752	73,97

В свое время в русской лингвистике активно дискутировался вопрос о силе глагольного управления, и даже предлагались количественные критерии для отграничения «сильного» управления от «слабого»²⁴. Мы видим, что количественные различия здесь могут быть не очень явные, и значение зависимой словоформы корреспондирует с лексическим значением глагола²⁵. Для читателя указанного рекламного слогана допустимо колебание в выборе объектного («чем») или обстоятельственного («когда») значения формы творительного падежа. Тем более – в общем ряду из трех приведенных глаголов словоформа

²³ Национальный корпус русского языка. On-line: www.ruscorpora.ru.

²⁴ См.: Ю.Д. Апресян, *О сильном и слабом управлении (опыт количественного анализа)*, «Вопросы языкознания», 1964, № 3; Ю.В. Солоницын, *О цифровых показателях, характеризующих «силу» управления*, «Вопросы языкознания», 1966, № 2.

²⁵ Ср.: С.Д. Кацнельсон, *Заметки о надежной теории Ч. Филлмора*, «Вопросы языкознания», 1988, № 1, с. 112.

зимой располагает определенным «люфтом» в своей трактовке (хотя неизвестно, предполагал ли это создатель текста).

Если принимать идею о возможной нейтрализации семантических ролей в сознании носителя языка или об их объединении с образованием неких гиперфункций, то можно допустить, что и форма творительного падежа попадает в сферу действия этих процессов. В свое время С.Д. Кацнельсон, анализируя сложные семантические ситуации на примере русской фразы *Ключ открыл дверь*, так писал о представленной здесь номинативной словоформе:

«Это не просто роль инструмента, способствующего воздействию агенса на объект воздействия. Это несколько более сложная и более тонкая роль, подразумевающая соответствие детали, приводящей механизм в определенное состояние, данному механизму»²⁶.

В современных работах эти идеи получают свое развитие. Так, А.В. Бондарко говорит о семантических комплексах «орудие/субъект/причина» (*Лодку унесло течением*) или «адресат/субъект» (*Вам придется сдать оружие*)²⁷. В случаях типа *ехать поездом* или *плыть пароходом* Ю.Д. Апресян видит «спаренную роль» инструмента и способа действия²⁸, а в контекстах вроде *дорогой он дремал* можно усматривать объединение функций темпоратива и маршрута. И упомянутые выше Г. Хентшель и Т. Менцель допускают целый ряд речевых ситуаций, в которых статус творительного падежа как творительного инструмента не очевиден (*nicht ganz klar ist*)²⁹.

Вопрос о внутренней связанности, о единстве, даже о синкретизме значений одного падежа давно занимает ученых. В частности, А.М. Пешковский отмечал у творительного падежа многообразные значения, «переходящие друг в друга»³⁰. Анна Вежбицка в упомянутой выше статье выступает против этой идеи. Она пишет: «Каждый падеж имеет **большое** количество значений, которые, однако, могут быть четко отграничены друг от друга»³¹. С этим можно было бы согласиться, если бы не наличие в этой сфере «неопозитивных различий» (А.В. Бондарко), случаев нейтрализации и объединения функций. Как, например, следует трактовать творительный падеж существительных в следующем отрывке из газетного текста?

²⁶ С.Д. Кацнельсон, *op. cit.*, с. 117.

²⁷ А.В. Бондарко, *Категоризация в системе грамматики*, Москва 2011, с. 168–169.

²⁸ *Теоретические проблемы...*, с. 361.

²⁹ G. Hentschel, T. Menzel, *op. cit.*, S. 94.

³⁰ А.М. Пешковский, *Русский синтаксис в научном освещении*. Изд. 7-е. Москва 1956, с. 301.

³¹ А. Вежбицка, *op. cit.*, с. 309.

- (19) ...Норвегия поставила на два вида спорта, она в прошлом году практически только **лыжами и биатлоном** завоевала 17 медалей на чемпионатах мира. Но и нам надо ставить на эти виды (газета «Metro». 30.10.13).

Что значит: *лыжами и биатлоном*? Это инструмент, источник, каузатор? В данном контексте это – и то, и другое, и третье! Дисперсность, «размытость» семантической функции (по отношению к ее лексическому воплощению) создает прецедент, который служит основанием для, можно сказать, естественного объединения семантических ролей в одной и той же текстовой форме.

Кроме того, следует учитывать особенности дискурса. Научно-технические или юридические документы, разговорная или поэтическая речь – везде существуют свои ограничения на использование семантических ролей и своя степень четкости или размытости выражаемой функции.

В частности, в поэтических контекстах творительный падеж часто случаен, не вызывается валентностью предиката. Вообще для стихотворных произведений характерна повышенная (по сравнению с некоторой средней величиной) частота употребления «редких» в русском языке падежей: творительного и дательного. Если форма творительного падежа оказывается в конкретном контексте синтаксически случайной, не вытекающей из семантических свойств предиката, то трудно ставить вопрос о ее семантической роли; синкретизм падежных значений здесь празднует победу:

- (20) Ждем: гробовая пелена
 Падет **мелькающими мглами**;
 Уже Небесная Жена
 Нежней звездует **глубинами...**
 (А. Белый. *Пелена*).
- (20) **Орлиным зреньем, дивным слухом**
 Священник римский уцелел
 (О. Мандельштам. *Encylica*).
- (21) Останутся хорошие
 Слова, слова, слова.
Осенними порошами
 Застонет голова
 (В. Луговской. *Послесловие*).
- (22) Страна большая. От Москвы отъедешь –
 Так сразу по стране и едешь.
Бодрствованием едешь и **ночлегом**
 И вся она покрыта снегом
 (Д. Пригов. *Предуведомление*).

«Пелена падет мглами», «Жена звездует глубинами», «Священник уцелел зреньем (или слухом)», «Голова застонет порошами», «Едешь бодрствованием (или ночлегом)» – во всех случаях инструменталь необязателен для синтаксической структуры высказывания и слабо связан с глаголом. И непонятно, скажем: *осенними порошами* – это «когда», «чем» или «как»? Бесспорно, что поэтический текст предоставляет говорящему большую свободу выражения. Но если сконцентрироваться на лингвистической стороне вопроса, то можно было бы сказать, что в определенных дискурсивных условиях творительный падеж становится символом вообще зависимости существительного от глагола. Впрочем, давно замечено, что «почти неограниченной способностью подстановки в законченные контексты обладает только творительный падеж, что отражает его исключительность...»³². Свобода «подстановки» творительного падежа в тот или иной контекст, несомненно, обусловлена его семантической природой. Эта мысль соотносится с идущей от Р. Якобсона трактовкой инструментального падежа, сочетающего в себе три общих признака: ненаправленность, необъемность и периферийность³³. Семантическая «маргинальность» или «немотивированность» – такие характеристики нередко сопровождают творительный падеж в современных грамматических описаниях. Закономерно, что и в иерархии русских падежей Кэтрин Чвани, продолжающей традиции русской функциональной школы, творительный уверенно занимает место самого «периферийного» падежа³⁴.

В принципе и другие русские падежи – дательный, родительный, предложный – не всегда семантически мотивированы в своем употреблении. Чаще всего их присутствие диктуется семантикой управляющего слова, но иногда значение такого падежа приходится признать идиоматичным и трансцендентальным: в большой мере оно определяется условиями дискурса (например, поэзии, рекламы, технической номенклатуры и др.). В частности, значение родительного падежа в таких русских сочетаниях, как *университет культуры, дом кухни, москвич года, проспект Пушкина, реакция Вассермана, извещатель дыма, продукты питания, бюро пропусков* и т.п. не просто свести к тем рубрикам, которые предлагает Академическая грамматика. Даже упомянутое разграничение падежей на грамматические (со вторичными обстоятельственными значениями) и конкретные (со вторичными грамматическими функциями) не решает всей сложности вопросов, связанных с семантической структурой данной категории.

³² Л.В. Кнорина, *op. cit.*, с. 129.

³³ Р. Якобсон, *op. cit.*, с. 179–180.

³⁴ C.V. Chvany, *Selected Essays of Catherine V. Chvany*, Columbus, Ohio, 1996, p. 186.

Дело в том, что в ходе языковой эволюции многие случаи употребления падежных (и предложно-падежных) форм десемантизировались, стали проявлением «языковых техник», частью языковой конвенции, и не более того. Нам непросто объяснить, в чем заключается смысловое различие между зависимыми падежами в сочетаниях типа *возглавлять отдел* и *руководить отделом*, *покровительствовать проекту* и *лоббировать проект* и т.п. С этим связаны трудности в объяснении таких межъязыковых формальных расхождений, как *Я жду поезда* – *Czekam na pociąg*, *Благодарю вас за помощь* – *Dziękuję panu za pomoc*, *Ребенок болен гриппом* – *Dziecko jest chore na grype* и т.п.³⁵ Каждая из этих конструкций проецируется исследователем на ряд подобных случаев глагольного управления в соответствующем языке и благодаря этому получает семантическую интерпретацию. В частности, по отношению к последней паре примеров говорится, что «творительный падеж, в который ставится существительное, именуемое болезнью, свидетельствует о том, что русский язык интерпретирует болезнь как инструмент болезненного состояния (ср. *Мальчик пишет мелом*); польский же язык использует в аналогичных случаях конструкцию *na + В.п.*, интерпретируя болезнь как объект, на поверхность которого направлено действие (ср. *Patrzę na dziecko*)»³⁶ (Ibidem, 622). Конечно, лингвист имеет право на «исследовательский максимализм», но думается, что в данном случае интерпретация либо выходит за рамки строго синхронического описания, либо требует дополнительной верификации. Носитель же языка в своей жизни не задумывается над тем, почему он говорит «болеть гриппом» или «страдать поносом», но, вместе с тем, не говорит «болеть близорукостью» или «страдать кашлем» (там языковая конвенция задает другую модель: *У него близорукость*; *У нее кашель*). Поэтому попытки «объяснительного освещения» всех без исключения грамматических особенностей кажутся нам избыточными и натянутыми; синтаксическая метафорика не может быть безграничной.

Морфологической форме (в том числе падежной) свойственна многозначность или даже, как мы пытались показать, «неопределеннозначность». В рамках же синтаксической конструкции, «обкатанной» со временем, эта форма может становиться чистым сигналом зависимости, в то время как сама конструкция испытывает тягу к идиоматизации.

³⁵ M. Fiedosiuk, *Ехать в Варшаву или Jechać do Warszawy? (О причинах несовпадения форм управления в русском и польском языках)*, «Slavia Orientalis», LXV, Nr. 3, 2016, с. 621–623.

³⁶ Ibidem, с. 622.